

Глава 22

У каждого своя судьба

Сяо Жун поднял руку и коснулся ложбинки над верхней губой, обнаружив на пальцах яркие алые пятна.

Несколько мгновений он отрешенно созерцал кровь, после чего резко вскочил и, вцепившись в ворот А Шу, закричал:

— Где Великий ван?! Куда он делся?!

А Шу:

—

«Опять! — простонал он про себя. — Ну почему каждый раз, стоит господину занемочь, он первым делом поминает государя!»

Мальчик лихорадочно принялся вытирать кровь, но та, вопреки всем стараниям, текла лишь сильнее, не желая останавливаться. Сяо Жун поначалу еще пытался допытаться, где носит Цюй Юньме, но вскоре его руки бессильно опали. Юноша повалился на кровать, чувствуя себя разваренной лапшой.

Странно, но это состояние разительно отличалось от его прежних недомоганий. Раньше он ощущал лишь гнетущую слабость, теперь же к ней прибавилось головокружение, а в груди, точно в горниле, полыхал неукротимый жар. Ему отчаянно хотелось вскочить и пробежать пару-тройку кругов по двору.

Сяо Жун:

—

«Дело дрянь, — обреченно подумал он. — Новые симптомы. Неужто с Цюй Юньме опять что-то стряслось? Или он решил окончательно загнать себя в могилу?»

Видя, что кровотечение не утихает, А Шу бросился за помощью к Гао Сюньчжи.

Услышав крики слуги, канцлер поспешил к покоям советника. На ходу выслушав сбивчивый рассказ о непрекращающемся носовом кровотечении, старик внезапно замер и с размаху хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ох! Неужто это оттого, что снадобье оказалось слишком сильным для столь хрупкого тела?!

Они уже входили в покои, так что Сяо Жун отчетливо слышал эти слова. Он вытянул шею, провожая вошедших взглядом. Гао Сюньчжи, кое-как смысливший в медицине, подошел и приложил пальцы к запястью юноши. Ощувив быстрый и наполненный пульс, старик лишь утвердился в своих подозрениях.

— Хотели как лучше, а вышло боком, — запричитал он. — Скорее, зовите лекаря! И велите на кухне сварить бульон из старой курицы с красными финиками, а еще — суп из карася с люффой. И предупредите: ни грамма соли!

Закончив раздавать указания, Гао Сюньчжи ласково похлопал юношу по руке:

— Ничего-ничего, А Жун, сейчас они приготовят еду, чтобы восполнить потерю крови.

Сяо Жун лишь горько усмехнулся.

«Восполнить кровь? Да эти супы — верное средство для кормящих матерей, чтобы молоко прибывало! Неужто вы думаете, я не знаю, что такое подают лишь роженицам?»

Гао Сюньчжи был лишь любителем в делах врачевания. Видя, как поправляются женщины после тяжелых родов, он не нашел ничего лучше, как применить те же методы к Сяо Жуну. Юноша, прижимая платок к лицу, не мог вымолвить ни слова и лишь бросал на старика полные тихой тоски взгляды.

Канцлер, приняв этот взгляд за страх, поспешил его утешить:

— Не тревожься, дело поправимое. Видать, то укрепляющее средство, что ты выпил сегодня, было слишком мощным. Чтобы поддержать твои силы, государь велел добавить туда Женьшень Соляной Девы. По правде сказать, вреда быть не должно — этот корень не чета обычным, его сила велика, но нрав кроток. Он лучше всего подходит для восстановления истощенного духа и восполнения жизненных сил, его дают даже глубоким старцам, не боясь, что он повредит меридианы. Видать, А Жун, твоё тело... слишком уж нежное? Оттого и реакция такая бурная.

Гао Сюньчжи и сам говорил без былой уверенности. За долгие годы он видел немало людей, принимавших Женьшень Соляной Девы — и тяжелобольных, и тех, кто уже испускал дух, — но никто из них не начинал истекать кровью от избытка жизненных сил.

«Премного вам благодарен», — мысленно отозвался Сяо Жун, прижимая окровавленный платок к носу.

На следующее утро Сяо Жун поднялся с постели бледный, точно полотно.

Едва вчера было объявлено о переносе столицы, как сегодня Цюй Юньме созвал всех на совет, дабы обсудить место для нового города. Пропустить столь важное событие юноша не мог, хотя одно упоминание о государе вызывало у него глухое раздражение.

«Ну кто дает здоровому человеку такие убойные снадобья?!»

Накануне он полвечера слушал лекции канцлера о чудесных свойствах Женьшеня Соляной Девы и пришел к выводу, что эта штука по силе равна тысячелетнему корню. И вот, он — человек, чей организм под маской болезненности был в полном здравии — хлебнул этой мощи и едва не захлебнулся собственной кровью.

Опираясь на руку А Шу и преисполненный праведного негодования, Сяо Жун направился в главный зал.

Сегодня собрание было в полном составе: прибыли все советники и четверо великих генералов. Каждый явился со своими думами и планами.

Стоило юноше переступить порог, как взгляды всех присутствующих обратились к нему. Когда он проходил мимо рядов советников, ему встретился тот самый старик, что когда-то требовал уступить ему место. Глядя на мертвенно-бледного Сяо Жуна, на лице которого крупными буквами было написано «я крайне недоволен», тот внезапно почувствовал непреодолимое желание вскочить и самому уступить ему место.

Но не успел он шелохнуться, как Гао Сюньчжи поманил Сяо Жуна к себе. Тот лениво побрел к почетному месту подле канцлера. По другую руку от него расположился Юй Шаосе, а напротив сидела четверка полководцев.

С приходом Цюй Юньме совет начался. Однако Великий ван то и дело бросал на советника странные, полные недоумения взгляды.

«Странно... Выпил укрепляющее средство, а выглядит так, будто жить ему осталось всего ничего».

Сяо Жун приложил все силы, чтобы не закатить глаза прямо перед государем.

Вскоре споры захватили присутствующих, и внимание от его персоны отвлеклось. Обстановка в зале накалялась.

Перенос столицы был делом государственной важности; решение, принятое сегодня, должно было быть вписано в анналы истории. Никто не был глупцом: каждый понимал, что этот город, ныне именуемый столицей вана, в будущем может стать столицей империи.

Мнения разделились. На сей раз даже самые осторожные из советников не пытались увильнуть от ответа — каждому хотелось приложить руку к рождению новой столицы. Предложения сыпались одно за другим: Чанъань, Лоян, Цзинань — вот три имени, звучавших чаще всего. Первые два славились своими укреплениями и выгодным расположением, которое было легко защищать и трудно атаковать. Последний же, соседствуя с родиной Конфуция и Мэн-цзы, был заветной мечтой для ученых мужей.

Сяо Жун подпер голову рукой, с трудом сдерживая вздох. Ну и сборище...

К счастью, остальные сохраняли остатки здравого смысла и вскоре исключили Цзинань из списка. Не то чтобы город был плох, но для столицы он не годился: ни естественных преград, ни надежных укреплений, да еще и близость к Хуанхэ — случись разлив, и весь город пойдет ко дну.

При выборе столицы первым делом смотрели на ландшафт. Удобства — дело наживное, а вот безопасность должна быть превыше всего.

Таковы были мысли других, но не Сяо Жуна. Впрочем, юноша не обольщался: его идеи были слишком прогрессивны, и он сам не был уверен, приживутся ли они в эту эпоху. Поэтому сегодня он решил быть своего рода «предохранителем»: если доводы других окажутся разумными, он промолчит; если же нет — выйдет на поле боя и докажет свою правоту.

Вскоре сторонники Чанъани и Лояна сошлись в яростной схватке. Первые упирали на величие древней столицы и её историческое наследие, вторые — на центральное положение Лояна и его торговый блеск.

В этом споре Чанъань явно проигрывала. После того как по ней кровавым маршем прошли кочевники, она так и не оправилась. Округ Яньмэнь возродился лишь благодаря возвращению Цюй Юньме, Чанъань же продолжала страдать. Стоило варварам уйти, как за город принимались воевать другие силы, но ни у кого не хватало мощи удержать его, и битвы не прекращались. Даже теперь, когда Великий ван вымел оттуда всю нечисть, Чанъань оставалась почти пустой — там почти не осталось жителей.

Перенос столицы в Чанъань сулил лишь убытки на первых порах: пришлось бы вложить немало золота и сил в её восстановление. Но у пустого города были и свои плюсы — там можно было развернуться вовсю, перестраивая всё по своему вкусу. К тому же, «даже тощая верблюдица больше лошади»: уцелевшие дворцы и особняки еще могли послужить новым хозяевам.

Сяо Жун откинулся на спинку стула, устремив отсутствующий взгляд на стену. Мысли его витали далеко, и он не заметил, что Цюй Юньме уже долгое время пристально наблюдает за ним.

Вид юноши, который сидел с таким видом, будто всё происходящее его ни капли не касается, вызвал у государя необъяснимое раздражение. Он вдруг понял, что не желает видеть его праздным.

Пока Юй Шаосе, защищавший Чанъань, и Гунсунь Юань, ратовавший за Лоян, вели жаркий спор, Великий ван внезапно произнес:

— Господин Сяо, каково ваше мнение о переносе столицы?

Спор мгновенно затих. Все присутствующие обернулись к Сяо Жуну, который сидел в весьма расслабленной позе.

Юноша замер. Под градом взглядов он медленно выпрямился и, прочистив горло, ответил:

— Полагаю, и в словах господина Юя, и в доводах генерала Гунсуня есть доля истины.

Цюй Юньме прищурился:

— Доля истины? Стало быть, это не вся истина? Вы хотите сказать, что ни Чанъань, ни Лоян не достойны стать нашей новой столицей?

При этих словах Юй Шаосе и Гунсунь Юань мгновенно подобрались, и взгляды, которыми они одарили Сяо Жуну, утратили былое дружелюбие.

«Ну и заноза ты», — мысленно огрызнулся тот.

Но стоило признать: Цюй Юньме не прогадал. Сяо Жун действительно считал, что оба варианта так себе — одного поля ягоды. Не зря Великий ван славился своей подозрительностью и чуткостью к чужим мыслям.

Раз уж разговор зашел об этом, юноша лишь мысленно хмыкнул и заговорил неспешно:

— Коль скоро государь прозрел мои думы, не стану скрывать: лично я считаю наиболее подходящим местом для столицы город Чэньлю.

Присутствующие замерли, а затем зал наполнился нестройным гулом голосов.

— Чэньлю? Да это место даже хуже Цзинани!

— Никогда! Чэньлю была запасной столицей Цзиньлина, Сунь Жэньлуань спит и видит, как бы её вернуть. Как государь может переехать туда?!

— Чэньлю стоит на равнине! Если варвары снова двинутся на юг через заставу Шаньхай и Область Ючжоу, они беспрепятственно докатят свои легионы прямо до стен города! Предложение господина Сяо — верх недалёковидности!

— И то правда, как можно выбирать Чэньлю? Она никогда не была столицей ванов, а единственный Чэньлю-ван закончил свои дни так бесславно... Дурное предзнаменование!

Сяо Жун поначалу не собирался ввязываться в затяжную полемику, но, слыша эти голоса, почувствовал, как в нем закипает строптивость.

Он прищурился. Что ж, раз вы хотите войны — вы её получите.

— Поистине, у дракона девять сыновей — и каждый опора престола, а у свиньи целый выводок — и все лишь землю под забором роют.

Зал притих. Это что же, он сейчас их всех скопом оскорбил?

Сяо Жуну было плевать.

— Чэньлю хуже Цзинани? Ландшафт у них один и тот же! Но в Чэньлю земли ровнее, они лучше подходят для жизни и пахоты. Ныне у государя вдоволь воинов, но не хватает подданных. Чэньлю стоит над Хуанхэ и опирается на реку Ин. Здесь развитая сеть водных путей, связанных с рекой Хуай. Людям с юга будет легко добраться сюда хоть водой, хоть сушей. Опираясь на реку Ин, Великий ван сможет начать обучение речного флота. Ныне в Армии Чжэньбэй есть воины всех мастей, но нет моряков. Нужно ли мне объяснять вам важность водного войска?

Слушатели переглянулись и промолчали.

Если Цюй Юньме вознамерится взойти на престол, рано или поздно ему придется сойтись в битве с Южной Юн. И главная причина, по которой та до сих пор влачит свое жалкое существование — это река Хуай, которую крайне трудно форсировать. Кочевники не смыслили в речных сражениях и раз за разом терпели поражение у её берегов.

Варвары уже преподали им этот урок кровью, неужто они не воспользуются им? Сколько еще будет длиться этот раскол между Севером и Югом?

Видя их молчание, Сяо Жун продолжил:

— Что до отсутствия преград... Господа, если враг уже стоит у ваших ворот и штурмует само гнездо — так ли важно, есть ли вокруг горы? История учит: мало кто из государей, запертых в собственной столице, держался дольше десяти лет. Коль скоро дойдет до такого — лучше сразу решить исход битвы, чем обрекать народ на долгие мучения.

Один из советников не выдержал:

— Да как вы смеете... Как вы смеете так принижать наши силы и возвеличивать мощь врага?!

— А как вы смеете при каждом удобном случае прятать голову в песок, точно черепаха? — парировал юноша.

Оппонент лишился дара речи. Сяо Жун перевел дыхание и смягчил тон:

— Я не говорю, что ландшафт не важен. Но, господа, мы все — воины Армии Чжэньбэй. Мы должны верить в доблесть государя и его легионов. Защита столицы не должна ограничиваться её стенами; она — в землях, что лежат вокруг. Области Юйчжоу, Цзичжоу, Восточная Юйчжоу и Сюйчжоу имеют свои крепости и преграды, и ныне все они под властью Великого вана. Чэньлю — это сердцевина, центр. Неужто вы сомневаетесь, что государь удержит эти рубежи?

Взоры всех присутствующих мгновенно обратились к Цюй Юньме. Тот в ответ лишь скупой улыбнулся, но в этой улыбке сквозила такая жажда крови, что возражать расхотелось всем.

Убедившись, что слушатели притихли, юноша продолжил излагать свой замысел:

— Чэньлю любя мне и по иной причине. Кое кто из вас помянул, что Сунь Жэньлуань жаждет сделать её второй столицей Цзиньлина. Мои мысли движутся в том же направлении. С тех пор как во втором году эры Тайнин ударили великие морозы, урожаи к северу от реки Хуай оставляют желать лучшего. На юге же закрома по-прежнему полны. В будущем нам неизбежно придется везти провиант с юга на север. И делать это придется из года в год.

Он говорил иносказательно, но большинство поняло намек, и в зале воцарилось задумчивое молчание.

По правде говоря, климат был лишь одной из причин. Влажность, состав почв, сорта злаков — всё вело к тому, что на юге урожаи были богаче. Именно в это время начался стремительный расцвет южных земель, превращавшихся в край небывалого изобилия.

Великого канала еще не существовало. Когда люди вспоминают о нем, они первым делом думают о торговле или о муках рабочих, забывая о его главном предназначении, служившем империям почти тысячу лет: перекачивать ресурсы юга на север, дабы император и двор ни в чем не знали нужды.

Рыть канал сейчас было невозможно: во-первых, Сяо Жун еще не был столь беспощаден, а во-вторых, у них просто не хватило бы людей. Поэтому вместо того, чтобы рыть землю на тысячи ли, разумнее было перенести столицу к реке Ин. Реки Хуай и Ин вполне годились для перевозки грузов. А когда придет время, нужно будет лишь прокопать короткий участок от Хуай до Янцзы, не затевая великой стройки.

Потому-то он и не хотел в Чанъань. Он знал о её древней славе, но помнил и то, что позже

правители забросили её именно из-за удаленности от Янцзы. Ресурсы было слишком трудно доставлять, а императоры — не благотворители, они не станут смотреть, как богатства утекают сквозь пальцы.

Доводы Сяо Жуна возымели действие, и в зале на время стало тише. Но вскоре кто-то негромко обронил:

— Но место-то всё равно несчастливое...

Юноша лишь мысленно вздохнул. Против этого аргумента у него не было оружия.

Тридцать лет назад случилось то самое великое бедствие, сковавшее Поднебесную льдом. Это произошло во втором году эры Тайнин, и император, носивший этот девиз правления, стал самым несчастным правителем в истории династии Юн.

За исключением основателя империи, прожившего долгий век, правители Юн редко задерживались на троне дольше пяти лет.

Император Тайнин был младшим братом своего предшественника. Изначально Чэньлю не должна была стать его уделом — земли там были слишком малы. Если бы его отправили туда в почетную ссылку, его титул звучал бы иначе — как и в первом указе, полученном Цюй Юньме. Великий ван получил титул правителя Дай, а земли Чэньлю относились к ведению вана Юйчжоу.

Но император Тайнин был поистине жалок. Его старший брат, отличавшийся редкостным скудоумием и подозрительностью, боялся, что младший затеет смуту, а потому всячески его притеснял. Он дал ему титул Чэньлю-вана, но не пустил в удел, заставив исполнять во дворце работу, подобающую евнуху. Министры, видя такое отношение, тоже не ставили принца ни в грош.

Возмездие, видать, настигло брата-тирана: он скончался на второй год правления. Со смерти основателя империи при дворе не утихали интриги. Брат императора Тайнина был властным человеком, и его кончине многие лишь обрадовались. Решив извлечь урок из прошлого, сановники возвели на престол того, кто казался им самым слабовольным — несчастного Тайнина.

Сказать по правде... судьба ни разу не улыбнулась этому человеку. В детстве его обижали, в юности — унижали, а стоило ему взойти на трон и обрести хоть тень величия, как небо разгневалось. На второй год его правления, в четвертый месяц лета, выпал снег. Это было дурным знамением. А когда зимой ударили небывалые холода, все в один голос твердили: император Тайнин недостоин своего сана, и именно он навлек на страну беду.

Дальше стало еще хуже. Он раз за разом издавал указы, в которых винил себя во всех грехах, но министры окончательно лишили его власти. Порой император по нескольку дней сидел

голодным. Двор стонал, а в стране начался хаос: север грабили варвары, юг страдал от наводнений, толпы беженцев наводнили дороги, повсюду вспыхивали мятежи. И все они шли под одним кличем, направленным против императора Тайнина — будто само его существование было величайшим преступлением.

В одну из ночей пятого года эры Тайнин, пока он мирно спал, в его покои ворвались сановники и удавили его собственным поясом.

Но смерть не положила конец трагедии. Императору было немногим больше двадцати, у него остался лишь крохотный сын-младенец. Министры возвели дитя на трон, чтобы и дальше править от его имени. Но в те смутные времена нигде не было безопасности. Тех, кто убил императора, вырезали сторонники законной власти, во дворце не утихали перевороты. Про младенца-императора просто забыли. А когда о нем вспомнили и бросились искать, то обнаружили, что юная вдовствующая императрица, прижимая к себе дитя, замерзла насмерть в холодную зимнюю ночь...

Поистине, история, от которой кровь стынет в жилах.

Даже Сяо Жун не мог, кривя душой, заявить: «Да пустяки, место вполне удачное». Он всерьез опасался, что стоит ему это произнести, как в него ударит молния.

К тому же, глупо было отрицать важность суеверий — в эту эпоху люди были крайне привержены знаменам. Раз он не мог победить это, оставалось лишь присоединиться.

Советник замолчал. Гао Сюньчжи взглянул на него, но помогать не спешил. В глубине души канцлер соглашался с доводами юноши, но дурная слава места — вещь упрямая.

Юй Шаосе, видя, что Чэньлю выбыла из игры, решил, что настал его час снова помянуть Чанъань.

Он приосанился и уже начал было подниматься, как вдруг Цюй Юньме произнес:

— Я тоже считаю, что Чэньлю — место достойное.

Юй Шаосе со стуком рухнул обратно на стул.

Все в изумлении воззрились на государя. Если слова Сяо Жун были лишь предложением, то слова Цюй Юньме звучали как окончательный приговор. Протесты вспыхнули с новой силой: довольно и того, что комета заставила народ верить, будто Великий ван — вестник беды, так он еще и столицу хочет перенести в проклятое место. Это ли не прыжок из огня да в полымя?

Но больше всего их пугало именно «невезение» города. Сяо Жун хранил молчание.

В истории было лишь два Чэньлю-вана, и оба закончили свой путь трагически.

Хуан Яньцзюн, желая погреться в лучах императорской славы, самовольно принял этот титул. Разбив Армию Чжэньбэй и пленив Великого вана, он вознесся на вершину могущества. Однако он был слишком жесток и ослеплен успехом. Спустя год после смерти Цюй Юньме Дунъян-ван под знаменами справедливости пошел на него войной. А авангардом его войск командовал Цзянь Цяо, собравший под своим крылом уцелевших воинов Севера.

Хуан Яньцзюн проиграл, но не дался врагам в руки — он лишил себя жизни в стенах Чэньлю. С соизволения Дунъян-вана Цзянь Цяо вытащил его тело наружу: плоть скормили псам, кости раздробили и пустили на мощение дорог, а волосы скормили свиньям в хлеву.

Какая бы вражда ни разделяла двух претендентов на власть, оба они нашли свой конец в одном и том же городе. От этого становилось не по себе.

Сяо Жун безмолвствовал, пока другие неистовствовали в своих возражениях. Цюй Юньме, который и без того не отличался терпением, не выдержал этого гвалта. Он резко встал:

— Я — Великий ван Севера, а не какой-то там Чэньлю-ван! У каждого своя судьба, и город тут ни при чем! Если следовать вашей логике, так в округе Чэньлю все жители должны были давно передохнуть!

Гнев государя подействовал мгновенно: в зале воцарилась гробовая тишина. Юй Шаосе, который обычно не лез за словом в карман, на сей раз промолчал. Гао Сюньчжи открыл было рот, но тут же осекся и посмотрел на Сяо Жуна.

Старик выразительно взглянул на него, умоляя взглядом.

Гао Сюньчжи:

—

«Да уйми же ты государя! — едва не взвыл он от досады. — В прошлый раз ты с ним взглядами перебрасывался и всё понимал, а со мной — ни в какую?!»

Сяо Жун смотрел на него в ответ, совершенно не понимая, чего от него хотят.